

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО БАЛЕТА

Большой театр.
2001.- окт. (№6). - с.6

ЙОХАН КОББОРГ:

В ДАНИИ ЛЮБОЙ ЖЕСТ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ СМЫСЛ

— С вашим участием «Сильфида» неожиданно преобразилась, наши артисты по-иному затанцевали, прямо-таки почувствовали себя бенефициантами. Контакт с двумя вашими Сильфидами у вас возник сразу же?

— Все были настолько милы и доброжелательны, что контакт получился моментально. У меня ведь было всего два дня, чтобы войти в версию Большого театра. За такой Сильфидой как Марианна Рыжкина, хотелось бежать куда угодно. И если меня еще раз пригласят в Большую, без сомнений, приеду.

— «Сильфида» — козырная карта датской школы. Джеймс, наверное, ваша козырная карта?

сцена Большого? Вы на ней смотрелись так, как будто всегда здесь и танцевали.

— На самом деле мне казалось, что я еще не привык к размерам сцены, у меня ведь не было репетиций на самой сцене. И первый свой спектакль я воспринимаю как прекрасную генеральную репетицию. Думаю, что на втором буду чувствовать себя намного лучше и уже буду знать, как мне быть. Поначалу ощущение было несколько странное, потому что весь баланс нарушался, все время казалось, что тебя куда-то сносит. И дело даже не только в танце, но и вся мимика, жесты, движения должны быть крупнее на этой сцене. Если бы Большой приехал на сцену Датского Королевского балета и выступал на нашей сцене, это был бы

рады и проявите свои чувства как-то по-другому. (Смеется.) Эта сцена мне непонятна. В Дании мы привыкли, что любой жест должен иметь смысл, ты не должен делать чего-то на сцене такого, чего ты не делаешь в нормальной жизни.

— Дело в том, что эта сцена связана с параллельной сюжетной линией, отношениями Джеймса и Мэдж, правда не всегда проигрываемой нашими артистами.

— В принципе, в Дании тоже есть такая линия, и мне кажется, у нас самая хорошая интерпретация Мэдж. Ее танцует не грязная старуха, а выходит красивая женщина с длинными рыжими волосами, на ней немного грима. Она не столько старая колдунья,

— Как нам известно, вы начали танцевать с шестнадцати лет? Это родители не хотели отдавать вас учиться?

— Я вырос в актерской семье, и когда был мальчиком, и пел, и играл, и танцевал — все перепробовал. И наступил момент в жизни, когда мама мне сказала: «Пришло время выбрать тебе что-то одно, чем ты будешь заниматься серьезно». Если ты занимаешься всем одновременно, то никогда ничего не достигнешь в главном. И я сделал свой выбор.

— Вы делите свое время между Королевским балетом Великобритании и Датским Королевским балетом, но представляете сейчас солиста Датского балета?

— Я работаю в Лондоне в Королевском балете, но не покинул окончательно Королевский балет в Дании. Я не увольнялся и могу в любой момент вернуться к себе, что я и делаю, танцую там время от времени. В Ковент Гардене я чувствую себя более свободно. В постановках Аштона, например, по-другому используется верхняя часть корпуса по сравнению с тем, как я привык. На балетах Макмиллана я постоянно учусь. Многие из них были поставлены на Энтони Доуэлла, замечательного танцовщика и партнера, и танцевать в них сейчас для меня очень интересно, но и большое испытание.

— На вас ставились балеты, расскажите о работе Флеминга Флиндта «Красные баинчакки».

— Это балет о девушке, у которой очень много таланта, но которой приходится доказывать свой талант и преодолевать давление окружающих. Когда у настоящего художника в широком смысле этого слова появляется пристрастие играть на сцене, то этот талант ты обязан использовать, ты обязан его реализовать. Для артистов сложность здесь заключалась в том, что мы (я исполнял главную мужскую партию) должны были находиться в постоянном напряжении. Чтобы исполнять этот балет, мы, наши герои, должны как бы реально ощущать давление извне и постоянно преодолевать его.

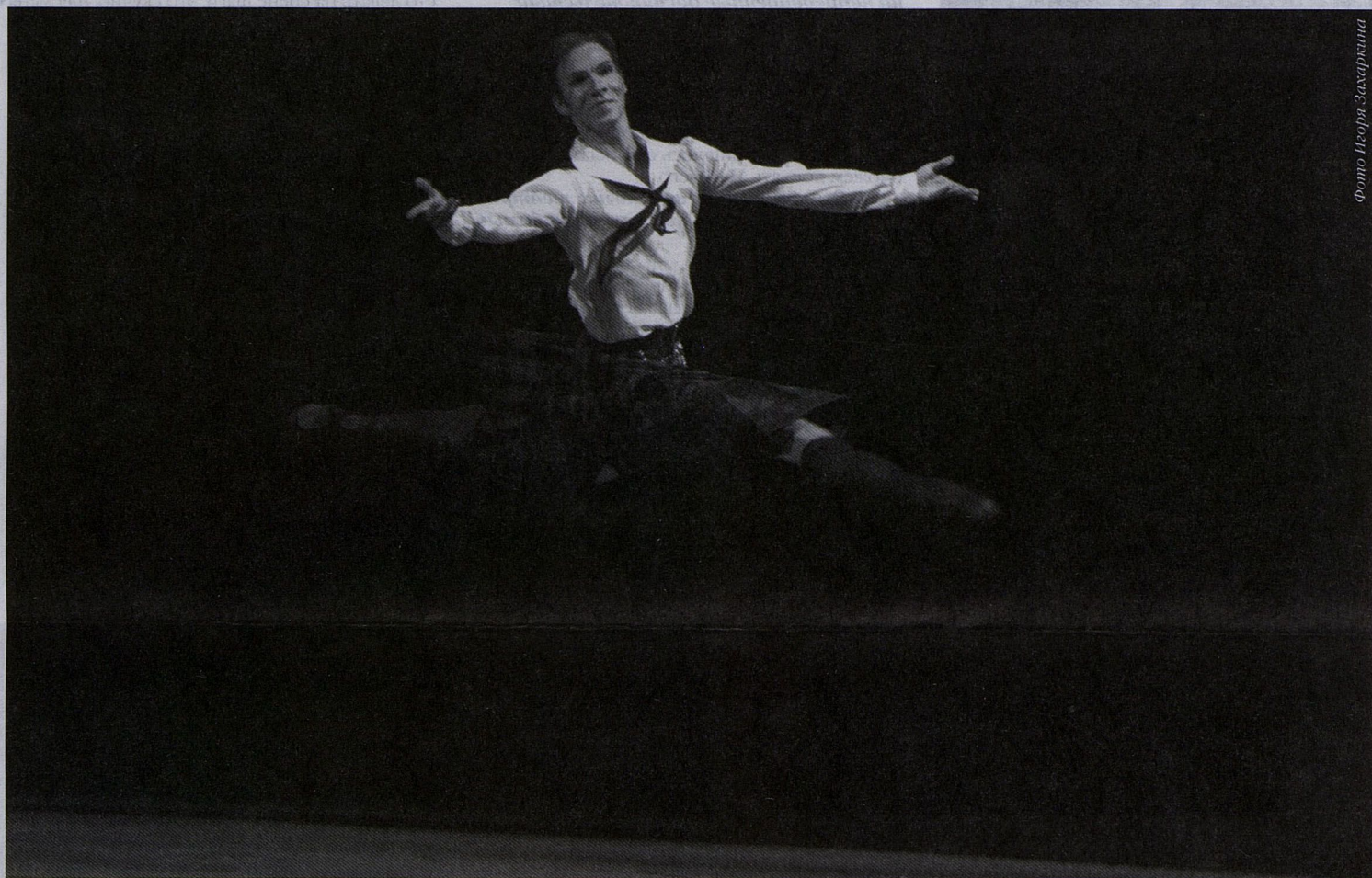
— Вы танцуете в постановках различных хореографов, чей стиль вам ближе?

— С одной стороны, мои любимые балеты с сюжетом, потому что мне нравится не только танцевать, но и окрашивать партии эмоциями. Мне важно, чтобы в спектакле существовала атмосфера. С другой стороны, мне кажется, что очень важно танцевать в разных направлениях. Если я танцую что-то современное, то я все равно всегда пытаюсь придумать для себя историю, пусть только в своей голове. Мне важно, чтобы была причина, почему я делаю то или иное движение. Сейчас есть много хороших хореографов, но я не могу назвать кого-то одного. Не все, к примеру, балеты Ноймайера или Бежара одинаково великолепны. Так же и про танцовщиков нельзя сказать, что вот этот великолепный танцовщик. Есть спектакли, в которых этот танцовщик Х великолепен. Конечно, интересно встречаться с хореографами, которые думают и работают иначе, чем ты, и ты можешь почерпнуть у них много нового. Я же пытаюсь радоваться тому, чем занят сейчас.

— Чем вы занимаетесь сейчас?

— До приезда в Большую у меня был отпуск, а в августе я танцевал Де Грие в балете «Манон». В Дании я занимаюсь подготовкой программы гала-концертов как художественный руководитель и сам собираюсь впервые исполнить миниатюру Якобсона «Вестрис», где столько разных характеров надо разыграть. (Ирина Якобсон дала мне разрешение исполнить номер, поставленный на Барышникову.) В Лондоне в этом сезоне собираются поставить «Баядерку» в редакции Макаровой. Я никогда не танцевал Солора, и для меня это будет событием. Мне интересно работать в Лондоне, потому что там все большие классические балеты можно перетанцевать. Когда-нибудь я сам хотел бы попробовать поставить. Три года назад мне предлагали поставить для Королевского Датского балета и в то же время Королевский балет в Лондоне предложил мне контракт танцовщика, я взвесил все: поехать в Лондон или поставить балет в Дании. И я решил, что пока я танцовщик, буду танцевать, хотя, понятное дело, всю жизнь танцевать не смогу. Но по-прежнему думаю о постановке балета, есть у меня идея сюжетной вещи: и музыка готова, и план в голове есть, нужны танцовщики и сцена.

Беседовала ВАРВАРА ВЯЗОВКИНА

Йохан Кобборг — Джеймс

— Это партия, от которой я никогда не устаю, потому что каждый раз нахожу в ней новое, по-новому ее осмысливаю. Кстати, я видел Сергея Филина в «Сильфиде», он, конечно, красивый танцовщик, и его Джеймс был необычным, не таким, как мы привыкли в Дании. Но это не так важно, главное — атмосфера спектакля была сохранена.

— Мне показалось, что для вашего Джеймса встреча с Сильфидой — полная неожиданность: вы следовали за ней, сами не ожидая того от себя; вы ведете себя так, будто у вас помутился рассудок. Такая интерпретация очень интересна и мало кем обыгрывалась. Вы вводите тему безумия уже в первый акт, и она исходит, что необычно, от героя.

— Я понимаю, что встреча с эфемерной Сильфидой меняет всю жизнь Джеймса. Понимаете, ведь мы не знаем, что в этой жизни можем потерять, пока не увидим этого в какой-то другой жизни, как увидел это Джеймс. Ты уверен, что живешь счастливо, что все у тебя в порядке, и вдруг кто-нибудь проходит мимо, и ты понимаешь, что вся жизнь в секунду меняется. Вот в этом и состоит конфликт «Сильфиды», тем и дорог мне этот балет: вроде бы ты счастлив и вроде бы ты в безопасности, тебе легко по жизни, но все может вмиг перемениться, и ты не знаешь, когда это произойдет. Сильфида притягивает Джеймса, и мой Джеймс не думает о последствиях, когда увлекается ею, его влечет новое, необычное: новый мир, новая возможность иначе мыслить. Когда во втором акте он попадает в лес, где Сильфида показывает ему своих птичек, то это совсем другая реальность в сравнении с первым актом, максимально материальной.

— «Сильфида» не масштабный балет, и вы, наверное, привыкли к сценам меньшего размера. Как вам далась гигантская

некий перебор по масштабу и широте движений, к которой вы привыкли. Но это совсем не значит, что на сцене Большого театра «Сильфида» выглядит грубовато. Это естественно, что если ты сидишь далеко, то и жесты должны быть больше. В Датском театре достаточно повести бровью и это уже заметно.

— Версия Большого сильно отличается от той, к которой вы привыкли в Копенгагене?

— В целом все то же, хотя были маленькие изменения в пантомимических сценах, которые мне пришлось вносить в свою партию. Оттого что сцена Большого слишком большая, она многое меняет в самой постановке, расставляет иные акценты, не те, к чему я привык, поскольку здесь, повторяю, все воспринимается по-иному. Мне интереснее было танцевать в новой для себя редакции, чем приехать и сделать то, что я делаю всегда. Но, конечно, я старался остаться верным тому, что я считаю истинным датским стилем.

— Чем объясняется, что во втором акте и па де де, и сцена с Эффи, прежде шедшие в версии Большого, не исполнились вами, раз вы говорите, что танцевали нашу версию, или этого просто нет в датской версии?

— Вот эта пантомимическая сцена с Эффи у нас идет, и мне жаль, что мы не смогли ее оставить. Но перед ней идет вставное па де де, выучить которое у меня не хватало времени. Я не видел его никогда раньше. Но к сожалению, из-за музыки пришлось убрать и это па де де, и следующую сцену. А в сцене с Мэдж, когда Джеймс платит за шарф деньги, мы сделали все как полагается, просто я не прыгал Мэдж на плечи, как это у вас принято. Здесь я исходил из своих традиций, если я вам даю шарф, вам обычно не приходится прыгать мне на плечи, вы, наверное, будете довольны и

сколько несколько странная женщина, она не относится ни к одному, ни к другому миру, она как бы сама по себе.

— Наша Мэдж Юлиана Малхасяцк вас не напугала?

— О, она очень страшная. Когда я первый раз оторнул ее от себя, я посмотрел на свои руки, они были все черные. Кроме того, в первом акте меня отвлекало то, что костюм, в котором я выступал, шился не на меня (это был костюм Юрия Клевцова), и на репетициях, когда я его попробовал, вроде бы все было нормально, но на спектакле, может быть, вы не заметили, у меня растянулись все пуговицы. В какой-то момент я посмотрел на себя за кулисами: руки грязные, костюм нарастающе, а если вдруг забуду порядок движений, даже спросить не у кого, что дальше. (Смеется.) Тогда было не до смеха. В следующий раз буду пришивать, а не застегиваться.

— Из датского репертуара, какие балеты считаете «своими»?

— Ну, я все танцую, что идет в Дании из Бурнонвилля: «Неаполь», «Консерваторию», «Фестиваль цветов в Дженцано», «Ярмарку в Брюгге». Одна из моих сильных сторон — это туры, а в «Сильфиде» их нет. Балет, который лучше всего меня показывает, это «Фестиваль цветов», где туров предостаточно.

— Вы образцовый бурнонвилевский танцовщик, а по складу души вы романтик или человек XXI века?

— (Задумался.) Наверное, все-таки романтик, я люблю драму. Свои художественные предпочтения я отдаю искусству прошлого. Мне кажется, что живопись, какую рисуют сегодня, я, да и всякий может нарисовать, потому что часто это какие-то броски или две линии. Я предпочитаю видеть технику и работу, которая вложена в картину. И я вижу это в живописи прошлого, а не в современном искусстве.